

В.В.ВЕЛИЧКО

К ВОПРОСУ О “БЕЛЫХ ПЯТНАХ” В ИСТОРИИ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ (о соотношении оседлого и кочевого хозяйства)

История кочевых народов Евразийской Степи, к которой по ряду признаков относится и значительная часть Крыма, на протяжении столетий привлекала пристальное внимание исследователей. От дальневосточного Приморья до Европейских равнин несколько тысячелетий формировались и распадались многочисленные государственные образования древних и средневековых кочевников. Возникшие в пределах степи, современные иранские, тюркские и монгольские народы расселились впоследствии в других регионах Европы и Азии.

Особенно интересна история Центральной Азии, откуда кочевые народы в определенные периоды вторгались и завоевывали земледельческие государства, причем как на западе, включая славянские, так и на юге, китайские. Русским китаеведом А.Г.Малявкиным процессы, происходившие в Центральной Азии, рассматриваются как важные для всемирной истории (1, с. 24).

На наш взгляд, анализом таких процессов является динамика соотношения кочевого и оседлого хозяйства, их взаимодействие и взаимозависимое развитие. Источниковедческой базой, помимо тюрко-, ирано-, и арабоязычных источников, могут служить исторические источники на китайском языке. Наиболее известные из них - династические истории, в том числе история правления династий Китая, основанных кочевниками, таких как Ляо, Цзинь, Юань (2).

Они свидетельствуют, что в основе политических процессов в государственных образованиях Евразийской Степи лежат естественно-природные факторы, а также достигнутый уровень социально-экономического развития. Кочевые общества, указывает известный китаевед М.В.Крюков, в особенности на этапе интенсивной имущественной и социальной дифференциации, как правило, не могут длительное время существовать в изоляции от земледельческих цивилизаций (3, с.69).

Кочевые народы рано или поздно устанавливали с древним Китаем, другими соседними и отдаленными хозяйствами постоянные или временные контакты. Сначала путем простого обмена, затем - посредством товарно-денежных отношений. Передки периоды в истории Евразийской Степи и Китая, когда уже большие массы кочевников перемещались в северные районы Китая, а в ряде случаев и во внутренние (2, с. 1231).

Такие контакты и связи не всегда навязывались военной силой кочевников или обуславливались слабостью Китая. В Ханьский период (II в. до н.э. - III в. н.э.), например, речь идет о целенаправленной политике “переселения варваров”, освященной волей императора. Отличаются в истории и периоды, когда между кочевниками и оседлым населением велись “сезонные торги”, т.е., видимо, продолжительные и масштабные торгово-обменные операции.

Встает вопрос о сравнении производительности кочевого и оседлого хозяйства, об эквивалентности обмена, о потребительских качествах товаров, товарной структуре торгового оборота и т.д. Существуют предположения о том, что иногда торговый обмен был неэквивалентен для Китая, и об утечке из страны “национальных средств” (4, с. 103). Используя возможности, которые вытекают из государственной монополии внешней торговли, Китай в отношениях с кочевниками добивался более выгодных условий торговли для себя. В этом, по мнению Л.Н.Гумилева, состоит суть военных конфликтов между кочевниками хунну и Китаем в Ханьскую эпоху.

Китайские источники (очередная династийная история Вэйской империи “Вэй шу”) наиболее полно отражают историю кочевников послеханьского “периода пяти варваров и шестнадцати царств” (IV-V вв. н.э.). Наряду с Птолемеем и согдийскими источниками, “Вэй шу” служит материалом для интерпретации проблемы происхождения гуннов (5) и параллелей этнонимичного ряда: ху, хунну, западные гунны южнорусских степей. Отсюда прямой путь к решению проблемы о связях хунну с западными гуннами, в частности, лингвистическими методами (6).

Проблемы кочевого хозяйства гуннов и его взаимодействия с оседлым хозяйством Китая освещались еще Сыма Цянем. В эпоху Хань гуннские правители (шаньюи) изъявляли желание “открыть вместе с Хань большие заставы для торговли” (7, с. 35). Впоследствии, в результате нескольких гунно-китайских войн, это “желание” было реализовано. Во II в. н.э. рыночная торговля на гунно-китайской границе велась регулярно, товары оседлого хозяйства (главным образом шелк и зерно) стали постоянно поступать из Китая.

Дальнейший упадок кочевой империи гуннов, видимо, связан, в частности, с сокращением объемов торговли с оседлым Китаем по политическим причинам. В конечном итоге северная часть гуннов сместилась сначала в Западную Монголию и далее в Восточный Туркестан, Семиречье, а затем в прикаспийские и заволжские степи. В ходе такой миграции осуществлялись связи с хозяйствами среднеазиатских оазисов, но они в основном носили характер набегов. В 70-80-х гг. IV в. гунны появились в степях Юго-Восточной Европы, в том числе в Крыму. В этот период, в условиях продолжительных кочевок и непрерывных набегов, собственные производительные силы Европейских гуннов были невелики. Следовательно, практически отсутствовала и основа для эквивалентного обмена с оседлыми народами. Войны против них сделали основным источником добывания продуктов оседлого хозяйства для гуннского общества (7, с. 35).

В “Вэй шу”, “Суй шу” и “Цзю Тан шу”, “Ляо ши”, но в основном в “Ци дань гочжи” содержатся сведения о кочевниках-киданах. В “Ляо ши” также проведена мысль о том, что в основе отношений между этими кочевниками и собственно Китаем лежат экономические причины. В качестве товаров отраслей хозяйства, которые для кочевников и оседлых китайцев являются взаимодополняемыми, называются: в Великой пустыне - скот, продукты охоты и рыболовства, кожа, шерсть, транспортные средства, к югу от Великой стены - продукты земледелия, прежде всего хлеб, шелководства, ткачества, строительное дело (8).

Соседство двух хозяйственных, глубоко различных укладов - как указывает В.С.Таскин - делало необходимым сосуществование оседлого земледельца и кочевника-скотовода (9, с. 12). В условиях соседства территорий, занятых киданями-кочевниками, и собственно китайских, заселенных оседло районов, при благоприятных политических условиях могла бы развиваться активная торговля. Но на

практике чаще этот обмен осуществлялся насильственно. Более того, в результате войны кочевники овладели рядом китайских областей. Ремесленное, сельскохозяйственное производство, инфраструктура, и даже интеллектуальный потенциал этих областей широко использовался для нужд подъема кочевого хозяйства (9, с. 309).

Классический пример создания на территории Китая с оседлым земледельческим населением государственных образований кочевников дает история племен сяньби. Ими создано 6 династий (Ранняя, Поздняя, Западная, Южная Янь, Западная Цинь и Южная Лян). Их экономической основой служили китайские территории с развитым земледелием. Создание кочевниками системы регионального управления включало в себя:

- введение и дальнейшее совершенствование административно-территориального деления;
- проведение дифференцированной налоговой политики в зависимости от качества орудий и средств труда;
- регулирование численности оседлого населения и его распределение по регионам;
- учет качества и количества пахотных земель и мероприятия по их расширению;
- создание системы городов, отдельных поместий и крупных культовых сооружений (10, с. 25-30).

Сяньбийцы заимствовали традиции материальной культуры китайцев, обусловившие формирование определенного круга новых для кочевников потребностей.

Это, в свою очередь, стимулировало развитие оседлого хозяйства на покоренных кочевниками территориях. Даже материальные потребности Сына Неба - бывшего кочевника - для обеспечения жертвоприношений способствовали развитию сельского хозяйства и на его землях, и на землях знати (10, с. 44,277).

Особый интерес представляет характер соотношения кочевого и оседлого хозяйства в период Юань. Как отмечал Н.И.Конрад, монгольские правители Китая интересовались лишь получением в свою пользу торговых пошлин (11, с. 526). Еще более тяжелыми были налоги для земледельческого хозяйства. Для организованного сбора пошлин в начале XIII в. территория Северного Китая была разбита на 10 крупных административных единиц. Налоговые управления на местах были независимыми от местных гражданских и военных властей (12). Во время захвата новых территорий собственно Китая в кочевом хозяйстве монголо-татар на новых территориях проявляются элементы оседлого хозяйства. Используя китайцев-земледельцев в качестве рабов, монголо-татары в отдельных районах занимались растениеводством, продукты которого потреблялись самими (12, с. 69). Однако существовала и тенденция превращения пахотных земель в пастбища (13, с. 21). Следует отметить, что в этот период монгольская держава простиралась далеко на запад, вплоть до Киевской Руси. Аналогичные противоречия между пастбищным скотоводством кочевником-чжурчженей и местным кийским земледелием наблюдались и ранее, в период существования империи Цзинь (XII-XIII вв.).

Существует еще один пример развития отношений кочевого и оседлого хозяйства - в рамках одного государства - это империя Цзинь (1115-1234 гг.) Она территориально объединяла пространство приморья Маньчжурии, Восточной Монголии, Северного и Центрального Китая. Естественно, ей также была посвящена отдельная династийная история: официальная "Цзинь ши" (...История Цзинь") и неофициальная "Да Цзинь го чжи" (Записки о государстве "Великая Цзинь"). История основной народности государства Цзинь - чжурчженей - фиксирует их постепенный переход от кочевого хозяйства к земледельческому, оседлому (14).

Правда, китайские источники, как отмечает М.В.Воробьев, - особенно оттеняли те формы занятий чжурчженей, которые отличали их от земледельческого хозяйства китайцев (15, с. 84). Поэтому о действительной степени развития оседлого земледелия у чжурчженей можно судить по ряду объективных факторов (распространения земледельческих орудий, новых сельскохозяйственных культур, увеличение поголовья тяглового скота), а также по тому, продуктами какого хозяйства, кочевого или оседлого, платили дань чжурчженские хозяйства. Неофициальные же источники сообщают определенно, что наиболее культурные племена южных районов занимались хлебопашеством, жили оседло. Они составляли, видимо, большую часть населения Цзиньского государства (15, с. 90). Несмотря на противодействие соседних империй Ляо и Коре, чжурчженско-китайские торговые связи развивались в сторону значительной дифференциации экспорта и импорта. Эта дифференциация выражалась:

- в переходе от экспорта традиционных продуктов кочевого хозяйства к экспорту продукции земледелия и ремесла;
- в увеличении импорта не только изделий земледельческого хозяйства и ремесел, но металла и металлоизделий, а также предметов культа, книг и т.д.;
- в переходе от случайного обмена к более упорядоченному и даже регулярному;
- в использовании при чжурчженско-китайских расчетах золота, а иногда и монет в качестве платежного средства.

Наконец, экспортно-импортные операции чжурчженей с китайцами стали необходимыми для хозяйства чжурчженских племен. Такая торговля, наряду с другими источниками доходов, способствовала концентрации средств, расходуемых впоследствии на подъем мощи и культуры Цзинь.

Отношения оседлых китайцев с кочевыми народами в Китае базировались не только на эквивалентной основе. Еще в Северной Вэй по отношению к "варварам"-кочевникам применялся преференциальный подход. В условиях значительной автономии кочевников на местах правящая династия стремилась к расширению с ними торговых связей, освобождая их при этом от торговых налогов, обогащая их "наградами и дарами" (16). Естественно, это делалось в политических целях, для удержания контроля над кочевой периферией. С усилением китайского контроля в управлении (как это было в цзиньском Китае) кочевая знать утрачивала свои прежние экономические позиции (17, с.49).

Переход кочевников к оседлому образу жизни и освоению соответствующих отраслей оседлого хозяйства (обработка земли, свиноводство, выращивание крупного рогатого скота, ткачество) способствовали распаду родовой организации. Счет в прошлом кочевого населения стал вестись по феодально-зависимым хозяйствам, родовая верхушка получала феодальные титулы (ванов и хоу).

Таким образом, в разные исторические эпохи наблюдались различные по интенсивности типы соотношения оседлого и кочевого хозяйств - от спорадических нерегулярных контактов до глубинной хозяйственной ассимиляции. О значении их в истории Китая говорит тот факт, что, начиная с эпохи централизованных империй Цинь и Хань, в непосредственном контакте с китайцами находились десятки племен и народностей монгольских, тунгусо-маньчжурских, тюркских кочевников, расселившихся внутри и вокруг северных границ китайской империи. Очевидно, что и тибето-бирманские, тайские и мяо-яоские народы на Юге Китая имели отличное от традиционно китайского хозяйство, поэтому существует проблема и их взаимодействия и взаимовлияния. Их изучение позволило бы существенно допол-

нить фактический материал и методику давно разрабатываемой проблемы взаимоотношений Среднего государства с варварами*.

Наконец, проблема взаимоотношения оседлого и кочевого хозяйства равным образом была актуальной для Киевской Руси и других великих евроазиатских империй - Римской, Византийской и Российской. На их периферии жили все те же племена и народности "варваров" со своими отличными от имперского хозяйством и производственными отношениями. Также долга и история этих взаимоотношений: по мере расширения территории империи нарастает интенсивность контактов с кочевниками на новых рубежах, те же, кто остались внутри - хозяйственно ассимилируются. Целостная картина социально-экономической истории китайской цивилизации без разработки проблемы соотношения оседлого и кочевого хозяйства оказались бы неполной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии (материалы и исследования) Отв.ред. Ю.М.Бутин. Новосибирск, 1982.
2. "Эршиу ши" // 25 династийных историй. Шанхай, 1956.
3. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
4. Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960.
5. Fr. Fltheim, *Geschichte der Hunnen*. Bd. I. Berlin, 1959.
6. O.Pritsak. *Xun. der Volksname der Hsiungnu*, *Saj. Bd. V, N1*. 1960.
7. Таскин В.С. Материалы по истории хунну. Т.1. М., 1968.
8. Ляо ши. (История Ляо) Бо на бэнь (б.г./б.м.).
9. Таскин В.С. История государства киданей как исторический источник // Е Яун-ли. История государства киданей. /Пер. с кит., введение, комментарий и приложения В.С.Таскина. М., 1979.
10. Материалы по истории кочевых народов в Китае. Вып. 3. Мужуны. М., 1992.
11. Конрад Н.И. Борьба китайского народа за освобождение от гнета монгольских ханов // Всемирная история. Т.3. М., 1957.
12. Мункуев Н.Ц. Мэн-да бэй-лу - важный источник по истории монголов // Мэн-да бэй-лу ("Полное описание монголо-татар"). Перевод с кит., введение, комментарий и приложения Н.Ц.Мункуева. М., 1975.
13. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.
14. Цзинь шу (История Цзинь), цз.1.
15. Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. - 1234 г.). М., 1975.
16. Вэй шу (История династии Вэй). Т.1, цз.24.
17. Думан Л.И. Расселение не китайских племен во внутренних районах Китая и их социальное устройство в III-IV вв.н.э. // Китай: история, культура и историография. М., 1977.

* Наиболее значительные работы Е.И.Кычанова, А.С.Мартынова, В.Л.Кроля, И.Ф.Поповой касаются внешнеполитических, политико-идеологических или социально-психологических проблем.

VELICHKO V.V.
ON THE PROBLEM OF UNEXPLORED AREAS IN THE HISTORY
OF NOMAD PEOPLES
(about correlation between settled and nomad economies)
Summary

This article is devoted to one of little-known problems in the history of nomad peoples - interaction and mutual influence of nomad and settled-farming economies; Chinese Empire is taken as an example and Chinese written sources are used as a basis for it.

Nomad communities, isolated from farming civilizations, could not exist for long periods, that is why there were always contacts between them: permanent and temporary, peaceful (in the form of primitive exchange and trade, using money) and military (seizure and invasions in the northern Chinese territories).

On the captured Chinese territories Kidanian tribes used farming for developing nomads' economy, Sianbins improved administrative-economic system of governing China for stimulating further development of settled economy. Chzhurcheni came to the settled way of living giving China the products of farming and handicraft in exchange to gold and, sometimes, coins. But in some districts plowed lands were turned into pastures.

Thus, in different historic epochs we can observe various in intensity types of correlation of settled and nomad economies - from sporadic contact to complete economic assimilation.

The author notes the relevance of the problem under consideration for Kievan Rus, Roman, Byzantine and Russian Empires, on the peripheries of which nomads with the economic way of living different from the imperial ones dwelled.